

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Русская пехота в Отечественной войне 1812 года

Илья Глянов

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Илья Глыбов
**РУССКАЯ ПЕХОТА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1812 ГОДА**

Москва 2013

УДК 355/359
ББК 68
У 51

Оформление художника *П. Волкова*

Иллюстрация для переплета предоставлена ООО «Звезда»

Ульянов И. Э.

У 51 Русская пехота в Отечественной войне 1812 года / Илья Ульянов. — М. : Эксмо : Яуза, 2013. — 272 с.

ISBN 978-5-699-66550-1

«Вот идет прекрасная, стройная, грозная пехота наша! Главная защита, сильный оплот Отечества! Это герои, несущие смерть неизбежную! — вспоминала знаменитая «кавалерист-девица» Н.А. Дурова. — Кавалерист наскочет, ускачет, ранит, пронесется, опять воротится, убьет иногда; но во всех его движениях светится какая-то пощада неприятелю: это все только предвестники смерти! Но строй пехоты — смерть! Страшная, неизбежная смерть!» Именно русская пехота вынесла основную тяжесть Отечественной войны 1812 года, стяжав бессмертную славу. Именно пехотные полки были «становым хребтом» обороны и главной ударной силой в наступлении. Их прекрасная организация и боевая выучка, помноженные на особенности национального характера — стойкость, отвагу, выносливость, неприхотливость, — создавали несокрушимый сплав: полтора столетия русского штыкового удара не выдерживал ни один противник. И как российская армия после разгрома Наполеона была признана лучшей в мире, так и наша пехота по праву считалась самой грозной и непобедимой...

Эта книга — лучший памятник героям 1812 года. Энциклопедический по охвату материала, беспрецедентный по глубине анализа, этот труд не имеет себе равных. Вы найдете здесь исчерпывающую информацию о вооружении, обучении, тактике и боевом применении русской пехоты во всех сражениях 1812 года — от Кобрина, Городечно, Могилева, Салтановки, Островно и Смоленска до Бородино, Малоярославца, Вязьмы, Красного и Березины. Коллекционное ЦВЕТНОЕ издание на мелованной бумаге высшего качества иллюстрировано сотнями эксклюзивных репродукций, рисунков и фотографий, а также авторскими планшетами с реконструкцией униформы и амуниции.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-66550-1

© Ульянов И.Э., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Организация и комплектование

ОРГАНИЗАЦИЯ

Российская армия состояла из регулярных и иррегулярных войск.

Русская регулярная пехота в 1812 г. по территориальной локализации службы делилась на полевую и гарнизонную, по основным боевым функциям — на тяжелую (линейную) и легкую, по элитарности и степени приближенности к правящей династии — на гвардейскую и армейскую. Также к пехоте относились инвалидные роты и команды.

Полевая пехота составляла основу военных сил государства и, имея в мирное время определенные места квартирования, направлялась по мере необходимости на тот или иной театр военных действий. Гарнизонная пехота, в соответствии с названием, выполняла функции гарнизонов городов и крепостей и обеспечивала деятельность органов государственной власти в местах постоянной дислокации.

Тяжелая пехота, представленная гвардейскими гренадерскими, гренадерскими, пехотными, морскими и гарнизонными частями и подразделениями, предназначалась, прежде всего, для действий в сомкнутом строю. Легкая пехота — гвардейские и армейские егерские полки и Гвардейский экипаж — целиком обучалась действиям в рассыпном строю, поэтому в егеря старались подбирать относи-

тельно низкорослых и подвижных солдат. В целом к 1812 г. функциональные особенности видов пехоты в известной степени нивелировались: если егерские части изначально изучали правила сомкнутого строя, то и мно-

*Император Александр I
Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812–15 гг.*

*М.И. Кутузов. Миниатюра по гравюре
Ф. Боллингера с оригинала Г. Розентреттера.
1-я четверть XIX в.*

гие линейные полки превзошли основы егерского учения.

Гвардия, неся службу, непосредственно связанную с охраной императорской фамилии, имела целый ряд преимуществ перед армейскими частями при комплектовании, обучении и снабжении; соответствующим образом повышались и предъявляемые к этим элитным частям требования.

Практически все полки полевой пехоты имели общую структуру: полк делился на 3 батальона, батальон — на 4 роты. С 12 октября 1810 г. три батальона полка получили единообразную организацию: каждый батальон теперь состоял из одной гренадерской роты и трех рот, называемых во Франции «центральными» (в гренадерских полках это были фузилерные роты, в пехотных — мушкетерские, в егерских — егерские). В строю батальона взводы гренадерской роты — гренадерский и стрелковый — вставали на флангах, три остальные роты размещались между ними. Первый и третий батальоны считались действующими, а второй — запасным (в поход выступала только его гренадерская рота, а три остальные, выслав

Гренадеры, унтер-офицер и обер-офицеры гренадерской роты. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

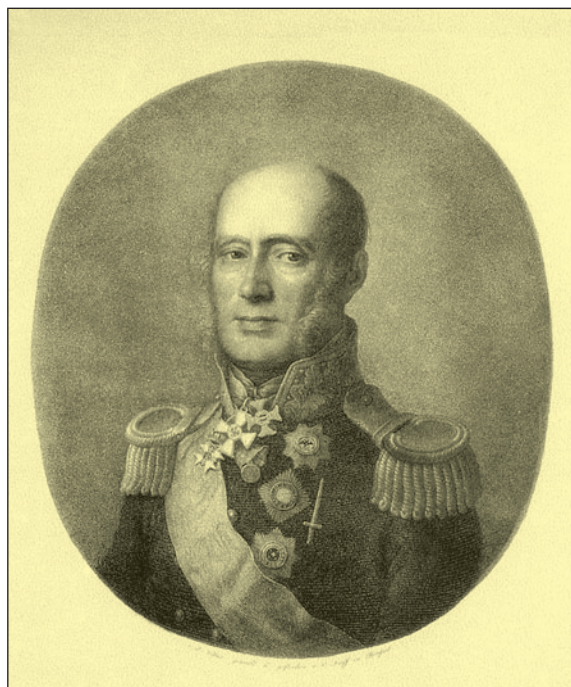

людей на доукомплектование действующих батальонов, оставались на квартирах). Гренадерские роты вторых батальонов, как правило, при соединении полков в дивизию составляли два сводных гренадерских батальона (по 3 роты), при соединении в корпус — сводную гренадерскую бригаду (4 сводных батальона), при соединении в армию — сводную гренадерскую дивизию. В полках гвардейской тяжелой пехоты и в Лейб-гренадерском полку все роты считались гренадерскими, и именование «рот центра» осуществлялось просто по номерам.

Гарнизонная пехота делилась на полки, батальоны и полубатальоны. В Московском гарнизонном полку было 6 батальонов, в 2 полках — по 3 батальона, в 9 полках — по 2 батальона. В каждом гарнизонном батальоне числилось по 4 мушкетерских роты.

Гвардейская пехота в 1812 г. включала в себя Гвардейскую пехотную дивизию и лейб-гвардии Гарнизонный батальон. 1-я бригада дивизии состояла из лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского полков, 2-я бригада — из лейб-гвардии Измайловского и новосформированного лейб-гвардии Литовского полков, 3-я бригада — из лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Финляндского полков и Гвардейского экипажа 1-батальонного состава. В дивизии числилась лейб-гвардии Пешая артиллерийская бригада из 2 батарейных, 2 легких артиллерийских рот и артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В поход были выведены все три батальона каждого гвардейского полка; таким образом, это была самая многочисленная пехотная дивизия — в ней насчитывалось 19 батальонов и 50 орудий.

Армейская полевая пехота к началу войны состояла из 14 гренадерских, 96 пехотных, 4 морских, 50 егерских полков и Каспийского морского батальона. В 1811 г. было утверждено расписание дивизий, от 1-й до 27-й, и бригад; при этом 19-я и 20-я дивизии не имели постоянного бригадного разделения. По этому расписанию две гренадерские дивизии (1-я и 2-я) состояли из трех гренадерских бригад каждая, пехотные дивизии — из двух пехотных и одной егерской бригады (пехотные — первая и вторая бригады, егерская — третья). В 6-й дивизии вторая и третья бригады включали в себя по

М.Б. Барклай де Толли

одному пехотному и одному егерскому полку. В 25-й дивизии в первой бригаде числились 1-й и 2-й Морские полки, во второй — 3-й Морской и Воронежский пехотный. 23-я дивизия состояла только из двух бригад, во второй из которых были сведены пехотный и егерский полки. При каждой из первых 27 пехотных дивизий состояла полевая артиллерийская бригада, включающая 1 батарейную и 2 легкие артиллерийские роты. Почти все дивизии, исходя из расписания, имели по 12 батальонов пехоты и по 36 орудий.

В 1812 г. вступило в силу расписание гренадерских рот вторых батальонов полков. По расписанию при каждой из 27 дивизий (№№ 1–27) состояло по два сводно-гренадерских батальона. В 1-й дивизии первый батальон состоял из рот Екатеринославского, Санкт-Петербургского и Павловского гренадерских полков, второй — из рот гренадерского Графа Аракчеева и Кексгольмского пехотного полков; во 2-й дивизии каждый из двух батальонов состоял из трех гренадерских рот гренадерских полков; в 11-й дивизии — из роты пехотного и роты егерского полков; во всех остальных дивизиях — из двух рот пехотных полков и из роты егерского пол-

*Князь П.Х. Витгенштейн.
Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812–15 гг.*

ка. Сводные батальоны не формировались в приграничных (6, 19, 20, 21, 25-я) и в воевавших с Турцией (8, 10, 13, 16, 22-я) дивизиях.

19 марта 1812 г. дивизии были распределены по вновь организуемым армиям: в 1-ю Западную армию поступили 1, 3, 4, 5, 7, 11, 14, 17, 23 и 24-я дивизии; во 2-ю Западную — 2, 12, 26, 27-я. В мае не вошедшие в расписание 9, 15 и 18-я дивизии поступили в состав 3-й Резервной Обсервационной армии. Эта новая армия уже в сентябре была объединена с Дунайской (8, 10, 13, 16, 22-я дивизии) в 3-ю Западную армию. 16 сентября 1-я и 2-я Западные армии объединились в Главную армию.

Расписание пехотных корпусов в это время было нестабильным, в большинстве из них числилось по две дивизии (иногда с дополнением из сводных или запасных батальонов).

Помимо полевых полков в две дивизии — 28-ю и 29-ю — были объединены гарнизоны Оренбургского края и Сибири. Вообще в армейской гарнизонной пехоте состояло 12 гарнизонных полков, 20 гарнизонных батальонов, а также 42 батальона и 4 полубатальона Вну-

тренней Стражи. Почти все гарнизонные части и подразделения в большей или меньшей степени были задействованы при формировании подкреплений для действующей армии, 4 батальона приняли участие в боевых действиях.

В ноябре 1811 г. рекрутские депо получили батальонную организацию; к каждому пехотному или егерскому полку приписали трехротный батальон из рекрутского депо, названный четвертым (резервным, рекрутским) батальоном полка. Резервных батальонов теперь не имели лишь гвардейские и гренадерские полки, пополняемые лучшими людьми армии. По Указу от 14 марта 1812 г. из 97 запасных батальонов составлялось 8 новых пехотных дивизий с номерами от 30-го до 37-го, а из 123 резервных батальонов — 10 пехотных дивизий с номерами от 38-го до 47-го. В дивизии не вошли запасные батальоны Лейб-гренадерского, гренадерского Графа Аракчеева, Кексгольмского пехотного полков (все три полка, состоявшие при Гвардии, не отделяли вторых батальонов); запасной и резервный батальоны Елецкого полка; запасные батальоны 19-й и 20-й дивизий (резервные батальоны этих дивизий довольно скоро были упразднены). Разделение на дивизии оказалось простой формальностью, и во время войны все запасные и резервные батальоны поступили на комплектование уже существующих частей. Так, перед Бородинским сражением в состав 1-й и 2-й Западных армий влились батальоны Калужского резервного корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, по большей части компенсировавшие потери полков 1-й армии: 1-й сводный пехотный полк поступил во 2-й корпус, 2-й — во 2-ю армию, 3-й — в 4-й корпус, 4-й — в 6-й корпус, 5-й — во 2-ю армию; 1-й сводный егерский полк — в егерские полки 2-й армии, 2-й — в егерские полки 2-го и 4-го корпусов; резервный батальон 28-го егерского полка — в 3-ю пехотную дивизию, резервный батальон 32-го полка — в 6-й корпус, 4-й батальон Елецкого полка — в 6-й корпус [149, с. 319]. Поселенный батальон Елецкого полка присоединили к полку.

С апреля 1812 г. под руководством генерал-лейтенанта Д.И. Лобанова-Ростовского началось формирование 12 новых номерных полков (1–8-й пехотные, 1–4-й егерские) из рекрутов последнего набора. По месту комплектова-

ния полки также именовались: пехотные — 1-й, 2-й Владимирские, 3-й, 4-й Костромские, 5-й, 6-й Рязанские, 7-й, 8-й Тамбовские; егерские — 1-й, 2-й Ярославские, 3-й, 4-й Воронежские. Полки были разделены на 2 дивизии. 2-я дивизия (5-й, 6-й, 7-й, 8-й пехотные и 3-й, 4-й егерские) поступила на пополнение Главной армии 18 и 27 сентября, а 1-я дивизия (1-й, 2-й, 3-й пехотные и 1-й, 2-й егерские) — в декабре. Только 4-й пехотный полк был оставлен для дальнейшего комплектования резервных войск Лобанова-Ростовского.

В июне были задействованы депо 2-й линии: на их основе (с добавлением батальонов 2-го и 3-го Морских и Московского гарнизонного полков) под руководством генерал-лейтенанта А.А. Клейнмихеля сформировали 6 новых пехотных полков с номерами от 9-го до 14-го. 12, 13, 14-й полки прибыли к армии в окрестностях Москвы, а 10-й, 11-й — в ноябре [149, с. 319]. 9-й полк, прибывший было к армии в сентябре, рассеялся при встрече с неприятелем и был сформирован заново также к ноябрю.

Огромные потери, понесенные армиями при Бородине, повлекли за собой и организационные изменения в полках. Поистине трагический приказ от 29 августа гласил: «Полки, в коих менее 300 рядовых во фронте, сформировать немедленно из двух батальонов в один. Знамена же от сих полков, собрав от каждого корпуса вместе, отправить при 1-м офицере с малой командой до первой станции от Москвы, где оставаться им впредь до повеления...

По распределении милиционных полков в корпуса собрать всех откомандированных по частям нижних чинов, дабы более иметь людей во фронте...

Г-м корпусным начальникам отрядить немедленно от каждого пехотного, выключая гвардейского корпуса по 1-му штаб-офицеру, для принятия от генерал-лейтенанта Маркова полков из Московской военной силы, поступивших в корпуса...» [44, с. 454, 455].

Следующий приказ пояснял: «Составить из оных (ополченцев. — И.У.) на время продолжения войны 3-ю шеренгу; если же по числу старых рядовых в полках окажется ратников более, нежели на 3-ю шеренгу нужно, то таковых иметь за дивизиями в резервах колоннами, и во

П.И. Багратион

время сражения употреблять оных для отводу раненых, а в другое время для разных откомандировок» [44, с. 454].

Все сводные гренадерские батальоны 1-й и 2-й армий в сентябре поступили на пополнение гренадерских дивизий и гвардии. Исключение было сделано лишь для одной роты. В приказе по 1-й Западной армии № 94 от 11 сентября говорилось: «Перновского пехотного полка гренадерская рота, состоящая при сводном гренадерском батальоне, во уважение подвигов полка, в прошедшую кампанию против французов удостоившаяся получить знамена за храбрость, не поступает в число расформированных гренадерских рот, но обращается к полку» [44, с. 459, 460].

В тарутинском лагере от армии были отделены 9 наиболее пострадавших егерских полков. В каждом из этих полков было оставлено 60 нижних чинов, все музыканты и штаб, остальные чины поступили на пополнение других егерских полков, как правило, тех же дивизий: чины 18-го егерского — в 1-й и 33-й полки, 21-го полка — в 20-й, 30-го полка — в 48-й,

Генерал от кавалерии, граф А.П. Тормасов

34-го полка — в 4-й, 36-го полка — в 11-й, 40-го полка — в 19-й, 41-го полка — в 6-й, 42-го полка — в 5-й, 50-го полка — в 49-й. При этом ряд оставшихся полков были рассчитаны на 3 батальона. В конце ноября такая же процедура последовала и в отношении линейной пехоты. В распоряжении М.И.Кутузова говорилось: «В каждой пехотной дивизии из 4 пехотных полков один слабейший обратить на укомплектование остальных полков той же дивизии, то есть 3 пехотных и 1-го (одного. — И.У.) Егерского» [149, с. 200].

После начала боевых действий из 10 находящихся в Финляндии полков 6-й и 21-й дивизий (Азовского, Низовского, Брянского, Невского, Петровского, Подольского, Литовского пехотных и 3, 2 и 44-го егерских) было выделе-

но по одному сильному (численностью в 1000 человек) батальону для действия в составе десантного отряда генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля.

По приказу Императора от 23 октября из 61 166 рекрутов последнего набора сформировали 69 батальонов для пополнения армии Кутузова: 18 батальонов упомянутых егерских полков и 51 батальон для пополнения полков 3, 4, 7, 11, 12, 17, 24, 26 и 27-й дивизий [28].

С сентября же для пополнения некоторых полков также начали формировать «сильные» батальоны: в каждом таком батальоне состояло 80 унтер-офицеров, 1 батальонный барабанщик, 16 барабанщиков, 8 флейтчиков и 920 рядовых. Первые сильные батальоны предназначались для полков 6-й и 21-й дивизий [17], позднее еще один батальон сформировали для Воронежского пехотного полка [17]. В октябре же началось формирование добавочных батальонов для полков Лейб-гвардии и армейских — Лейб-гренадерского, Графа Аракчеева и Кексгольмского [18].

В декабре после завершения активных боевых действий появилась возможность несколько упорядочить пеструю структуру армии, для чего и были предприняты некоторые меры — так, например, запасные батальоны 2-й гренадерской дивизии из армии Витгенштейна поступили на пополнение своей дивизии, отослав знамена и некомплектный обоз в арсенал [149, с. 279].

Всего к концу 1812 г. формировались следующие резервные войска:

6 батальонов гвардии — Великим Князем Константином Павловичем;

3 батальона для Лейб-гренадерского, гренадерского Графа Аракчеева и Кексгольмского — генерал-майором Башуцким и полковником Жандром;

77 батальонов — генералом от инфантерии князем Лобановым-Ростовским;

48 батальонов — генерал-лейтенантом Эссеном 3-м;

24 батальона — генерал-лейтенантом Клейнмихелем.

ШТАТЫ И ФУНКЦИИ ЧИНОВ

По штатному расписанию в каждом полку или батальоне числились строевые и нестроевые чины.

Расписание военного времени предписывало иметь в каждом гренадерском, пехотном и егерском полку следующее количество чинов: **строевых** — шеф полка, 6 штаб-офицеров, 54 обер-офицера, 120 унтер-офицеров, 1980 рядовых, 9 музыкантов, 1 полковой, 2 батальонных и 36 ротных барабанщиков и 6 ротных флейтчиков; **нестроевых** — 1 аудитор, 1 священник, 2 церковника, 1 штаб-лекарь, 3 батальонных лекаря, 3 фельдшера, 1 надзиратель больных унтер-офицерского чина, 12 ротных цирюльников, 12 лазаретных служителей, 1 вагенмейстер, 6 писарей, 1 ложенной мастер и 12 его учеников, 1 оружейный мастер и 6 ему учеников, 1 коновал, 6 кузнецов, 12 плотников, 47 фурлейтов, 3 профоса. В полках, которым были присвоены наградные трубы, в штате предусматривалось 2 дополнительные музыкантские должности. В Лейб-гренадерском полку по 2 флейтчика числилось в каждой роте, то есть общее количество ротных флейтчиков достигало 24. В Гвардии хоры музыки состояли из большего количества музыкантов, имеющих также и более разнообразные инструменты: в Преображенском полку музыкантов было 40, в остальных гвардейских полках — по 25.

Таким образом, штатная сила русского батальона оценивалась в 700 штыков против 810 штыков комплектного французского батальона. В боевых условиях это означало, что фронт неприятельского батальона был длиннее на 37 рядов. Относительная слабость русского батальона, особенно с учетом постоянного некомплекта, привела к тому, что с 1812 г. начали формироваться «сильные» батальоны из 1000 нижних чинов, а количество ружей в таком батальоне в 1815 г. было доведено до 900. Для понимания реального соотношения боевых сил нужно учитывать и то, что в походе могло участвовать до 5 батальонов французского полка, и в этом случае один такой полк не только превосходил 4-батальонную русскую бригаду, но и мог на рав-

ных соперничать с некоторыми русскими дивизиями: например, 2-я сводно-гренадерская дивизия к началу Бородинского сражения насчитывала 4060 нижних чинов, а 27-я пехотная — 4709.

Различия рот внутри одного батальона пехоты носили престижно-функциональный характер. Основной функцией стрелков была огневая поддержка сомкнутого батальона: стрелки либо сами разворачивались в цепь, либо составляли резерв цепи застрельщиков. Гренадерский взвод служил своеобразным резервом батальона в колонне, а в развернутом строю обеспечивал безопасность правого фланга. При этом гренадерские роты вообще считались, да и были на самом деле, отборными подразделениями, в которые переводили лучших солдат прочих рот, необязательно самых высоких, но непременно отличающихся наилучшим

Штаб-офицер и обер-офицер гренадерского полка. Л.И. Киль. 1815 г.

*Унтер-офицер и гренадер гренадерского полка.
Л.И. Киль. 1815 г.*

поведением. Рост имел значение лишь при разделении самой гренадерской роты: высокие солдаты комплектовали гренадерский взвод, низкорослые — стрелковый. Офицерам предписывалось обращаться к военнослужащим отборных рот, используя термины «гренадер» или «стрелок», оставляя обезличенные обращения «солдат» или «рядовой» («рядовой») для нижних чинов «рот центра».

Полком командовал шеф, зачастую состоящий в генеральском чине, а командир полка на деле был только старшим офицером, принимавшим на себя командование в отсутствие шефа. В каждом батальоне состояло по 2 штаб-офицера — командир батальона и младший штаб-офицер; к штаб-офицерским относились звания полковника, подполковника и майора. В Гвардии все штаб-офицеры носили полковничьи звания, только в новом лейб-гвардии

Литовском полку полковником был командир полка, а все остальные штаб-офицеры — подполковниками.

Штаб-офицеры распределялись по ротам пехотного полка следующим образом: шеф полка числился при 1-й гренадерской роте, командир полка — при 3-й гренадерской, командир 1-го батальона — при 3-й мушкетерской, младший штаб-офицер 1-го батальона — при 1-й мушкетерской, командир 2-го батальона — при 4-й мушкетерской, младший штаб-офицер 2-го батальона — при 6-й мушкетерской, командир 3-го батальона — при 9-й мушкетерской, младший штаб-офицер 3-го батальона — при 7-й мушкетерской [10].

Ротой командовал капитан или штаб-капитан, которому помогали поручик, подпоручик и прапорщик. Помимо 48 обер-офицеров, состоящих в ротах, 2 поручика или подпоручика назначались на должности полковых казначей и квартирмейстера, а 4 подпоручика или прапорщика — на должности шефского, полкового и батальонных адъютантов. В ведении казначей состояли «жалованная, амуниционная, полковая сумма и амуниция», в ведении квартирмейстера — «провиант и фураж или деньги, на то отпускаемые». Полковой адъютант, казначей и квартирмейстер числились в 1-й гренадерской роте, адъютант 2-го батальона — в 4-й мушкетерской, а адъютант 3-го батальона — в 3-й гренадерской.

Строевой младший командный состав делился на старших и младших унтер-офицеров и ефрейторов (старшие ефрейторы также назывались вице-унтер-офицерами). К старшим унтер-офицерам относились фельдфебели, портупей-прапорщики, подпрапорщики (в егерских полках — портупей-юнкера и юнкера) и каптенармусы. Должность фельдфебеля состояла в том, «чтоб подавать дневные рапорты от роты Капитану или ротному Командиру и Адъютанту батальонному, сочинять месячные списки и все случающиеся рапорты, принимать и раздавать на роту получаемые деньги, записывать полковые приказы, и все исправлять, что до роты касается» [75, с. 2]. Звания портупей-прапорщиков и подпрапорщиков (портупей-юнкеров и юнкеров) предназначались для дворян, готовящихся к получению офицерского чина; при

Гренадер линейной пехоты. Солдат первого по старшинству егерского полка дивизии. Кивер и патронная сума закрыты клеенчатыми чехлами. У солдата зачехлены кивер и ножны тесака (к которым также подвязан чехол с султаном). С тесака снят темляк, а на ручку повешены рукавицы шинельного сукна.

*Музыкант и батальонный барабанщик
гренадерского полка. Л.И. Киль. 1816 г.*

*Тамбурмажор пехотного (?) полка.
Л.И. Киль. 1817 г.*

недостатке таковых в полку их место занимали младшие унтер-офицеры из недворян. В каждой роте старший унтер-офицер, следящий за состоянием оружейных и амуниционных вещей, именовался каптенармусом. Про эту должность в Уставе 1797 г. говорилось: «Каптенармусу не ходить на караул, а осматривать ему, когда при роте дела не имеет, в вечеру и поутру, после зорей, свою роту, иметь ему под собою ротное Казначейство, ему же принимать и отпускать все амуниционные вещи, и отдавать отчет Капитану, или ротному Командиру» [75, с. 3]. Один из младших унтер-офицеров в роте исполнял должность квартирмейстера и был обязан «на походе разбивать лагерь..., принимать... В городах и деревнях квартиры, фураж и провиант». Ефрейторы (вице-унтер-офицеры) назначались из самых достойных рядовых и при недостатке унтер-офицеров занимали их места.

В хозяйственном отношении рота, кроме гренадерской, как правило, делилась на 3 отделения («артели»), которые не следует путать со строевыми отделениями. В первом отделении, помимо рядовых, числились старшие унтер-офицеры, один младший унтер-офицер, вице-унтер-офицер, один барабанщик, артельщик и цирюльник. Во втором отделении состояли несколько младших унтер-офицеров, вице-унтер-офицер, барабанщик, артельщик, лазаретный служитель, ложник и плотник; в третьем — несколько младших унтер-офицеров, вице-унтер-офицер, артельщик и несколько фурлейтов. В гренадерской роте каждый из взводов делился на 2 отделения, в каждом из отделений состоял барабанщик (в 1-м отделении — батальонный), а в гренадерских отделениях — по одному «флейтцику». Члены артели вели совместную хозяйственную деятельность. В штатах полка специально предусма-

тривались должности для солдат, заведующих хозяйством артелей, — артельщиков: они состояли в числе нижних строевых чинов, но не имели ружей.

Хор полковой музыки и полковой барабанщик числились в 1-й гренадерской роте, батальонные барабанщики — в тех же ротах, что и батальонные адъютанты. Ротные музыканты, помимо своих основных функций, во время боя выносили раненых, а зачастую выполняли и хозяйственные функции. Полковой и батальонные барабанщики обучали ротных музыкантов и задавали нужный темп движения. В ряде гвардейских полков в 1812 г. были введены сверхштатные должности тамбурмажоров.

Аудитор вел судебное делопроизводство, а также заведовал полковым обозом; в его подчинении находились профосы, исполняющие полицейские обязанности, вагенмейстер унтер-офицерского чина, коновал, кузнецы, плотники и фурлейты. Медицинская часть состояла из штаб-лекаря, батальонных лекарей, фельдшеров и цирюльников. За полковым лазаретом следил надзиратель больных и лазаретные служители. Оружейный и ложенной мастера с учениками осуществляли мелкий ремонт оружия.

Военные медики. Л.И. Киль. 1816 г.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ

Этнический состав пехоты в начале XIX века продолжал оставаться практически однородным: основным источником комплектования пеших войск традиционно служили великорусские губернии Империи. Принц Евгений Вюртембергский, в 1812 г. командовавший русской 4-й пехотной дивизией, очень точно подметил особенности боевого состава русской армии:

«Я имел довольно случаев ознакомиться с русским войском, и достоинства, которые приписывают ему, не преувеличены. Русский рекрут обыкновенно терпелив, очень понятлив, и легче свыкается с своею новою неизбежною участью, нежели сколько бы того можно было ожидать во всякой другой земле от поселян, отторгаемых от обычного мирного образа жизни. Через несколько времени полк

становится для русского солдата новой родиной, и надобно быть самому свидетелем, чтобы судить о степени привязанности, какую полк может вдохнуть в него. При таком нравственном состоянии не покажется удивительным, если солдат хорошо дерется. К начальнику, которого полюбил раз, он привязывается так сильно, что в этом отношении, я думаю, ни одна армия не может превзойти русской. Все это относится до нижних чинов. Офицеры вообще очень храбры; исключения тому видел я в весьма немногих случаях: трусу мудрено удержаться между товарищами, и, может быть, от этого все почти известные мне фронтовые офицеры смелы, даже часто чересчур отважны...» [52, с. 112, 113].

Для пополнения войск использовалась система рекрутских наборов. Рекрутская повин-

*Благословение ополченца 1812 года.
И.В. Лучанинов. 1812 г.*

ность распространялась на все податные сословия. Как правило, при объявлении набора указывалось, в каких губерниях и сколько рекрутов нужно было собрать. Так, во время 83-го набора брали по 5 рекрутов с 500 душ, во время 84-го набора — по 8 рекрутов с 500 душ. Помимо этих основных наборов, в 1812 г. был проведен и целый ряд дополнительных, причем требования при приеме рекрутов были существенно снижены. Возраст принимаемых людей в 1812 г. колебался в широких пределах — от 18 (в реальности от 17) лет до 40. Обычная ростовая планка в 2 аршина 4 вершка к 83-му набору снизилась до 2 аршин 2 вершков.

Уже 83-й набор сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам. Военная коллегия разрешала «допустить к приему в рекруты людей, имеющих такого рода телесные пороки или недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть и действовать ружьем, т.е. не браковать: редковолосых, разноглазых и косых, — ежели только зрение их позволяет прицеливаться ружьем; с бельмами и пятнами на

левом глазе, заик и косноязычных, если только могут сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или до 8 зубов боковых, лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые; с маловажными на черепе наростами, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если это ходьбы рекрута не затрудняет; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем; принимать и кастратов» [145, с. 56]. Те же правила были сохранены и при 84-м наборе. Вместо поставки рекрута с 1811 г. можно было вносить денежную сумму в размере 2000 рублей. Выбор рекрутов непосредственно на местах определялся жеребьевкой, причем те, на кого указывал жребий, при наличии средств могли выставлять взамен себя «наемщиков». При этом с 31 января 1811 г. в службу не велено было брать осужденных уголовным судом и телесно наказанных [26, ч. 3, л. 14], что не могло не сказаться положительным образом на качественном уровне новобранцев.

Для рекрутов устанавливался 25-летний срок службы, для солдатских детей — такой же срок, начиная с 18 лет. В армию на добровольных началах могли также поступать вольноопределяющиеся (дети личных дворян, в основном обер-офицеров, а также воспитанники ряда гражданских учебных заведений), выходцы из духовного сословия, российские подданные, свободные от крепостной зависимости и добровольно, представители купечества, военные поселенцы и однодворцы; почти для всех устанавливался срок службы в 15 лет, лишь выходцы из купечества «тянули ляжку» 25 лет.

Рекруты собирались в губернских городах, где их освидетельствовал врач. Годным к службе новобранцам «брили лоб», то есть буквально выбривали переднюю часть волос от уха до уха. В дальнейшем такую прическу поддерживали в течение определенного времени; по ней можно было легко отличить бежавшего рекрута. Собранный группа рекрутов, называемая партией, направлялась далее уже в сопровождении армейских чинов. До 1808 г. рекруты приходили к полкам в крестьянской одежде, затем их стали снаряжать по подобию солдат. Рекруту полагались серые, «белые» или «смурые», сши-

тые из крестьянского сукна: кафтан «солдатского покроя» с обтяжными пуговицами, панталоны, галстук, ранец, фуражная шапка, а с 1811 г. — еще один кафтан, по покрою подобный шинели. Кроме того, новобранца снабжали рубахами, рукавицами, исподними портами, крестьянскими сапогами и портянками («подвертками»). В рекрутском депо, помимо перечисленных вещей, «от казны» выдавали летние панталоны, солдатские сапоги, рубаху, чулки.

10 октября 1808 г. было издано положение о запасных рекрутских депо (дополненное в 1809 г.). Одной из причин организации этих структур была необходимость постепенного морального приготовления рекрутов к службе в строевых частях; в качестве примера приводились кантонисты, которые с детских лет поступали на службу и в дальнейшем легче переносили тяготы армейской жизни. Программа обучения новобранцев в депо была рассчитана на 8–9 месяцев. При обучении начальникам следовало обращаться с ними мягко, достигая результатов не наказанием, а доходчивым объяснением задачи; интенсивность учений была невелика, дабы не изнурять новобранцев. Отличающихся хорошей подготовкой рекрутов всячески поощряли, заменяли им серые рекрутские воротники на красные солдатские и назначали ефрейторами. «Ленивых» заставляли учиться в то время, когда все другие отдыхали; в крайнем случае их назначали в фурурейты (извозчики). Первые два месяца рекруты осваивали строевые приемы без ружья; следующие два — приемы с ружьем и зарядание (шаржирование); еще месяц — движение в строю. Остальное время (еще четыре-пять месяцев) они повторяли пройденное и учились стрельбе.

Обычные наборы проводились в период с 1 ноября до 1 января. С 1 июня по 15 августа рекрутские депо сводили в единый лагерь, где им преподносились азы действия в составе целой роты или батальона. Наконец, к 1 октября команды направлялись из депо к сборным местам дивизий, а люди, отобранные для Гвардии, — прямо в Санкт-Петербург. Вышедшие со сборных мест к войскам люди считались уже не рекрутами, а солдатами.

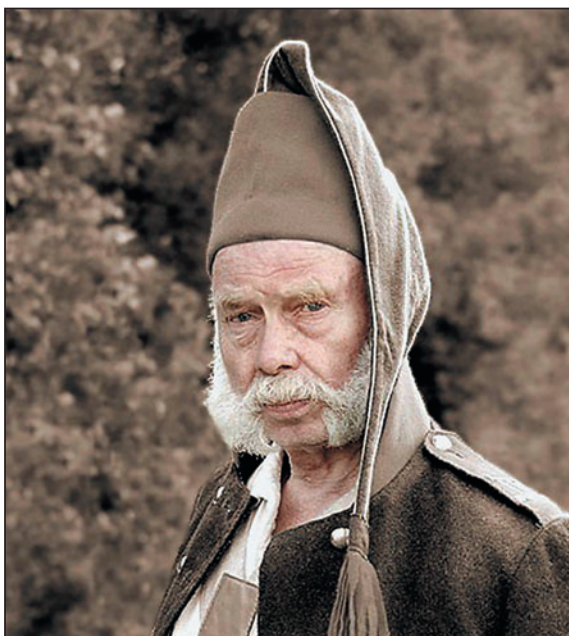
10 сентября 1811 г. при внутренних гарнизонных батальонах в Петрозаводске, Новгоро-

*«Флейтщик» Московского гренадерского полка.
Реконструкция.*

де, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославе создали 10 новых запасных рекрутских депо 2-й линии (прежние депо были причислены к 1-й линии). Двадцать четыре депо 1-й линии были «прикреплены» к армейским пехотным дивизиям, от 3-й до 26-й следующим образом: к 3-й пехотной дивизии — Вяземское депо, к 4-й — Торопецкое, к 5-й — Холмское, к 6-й — Каргопольское, к 7-й — Стародубовское, к 8-й — Новомиргородское, к 9-й — Изюмское, к 10-й — Елисаветградское, к 11-й — Рославское, к 12-й — Ахтырское, к 13-й — Ивановское, к 14-й — Старорусское, к 15-й — Змиевское, к 16-й — Ольвиопольское, к 17-й — Бельское, к 18-й — Конотопское, к 19-й — Таганрогское, к 20-й — Азовское, к 21-й — Олонецкое, к 22-й — Чигиринское, к 23-й — Ельнинское, к 24-й — Новгород-Северское, к 25-й — Подгочинское, к 26-й — Роменское. Каждое депо теперь считалось резервной бригадой соответствующей дивизии и разделялось на 6 бата-

*Солдат Павловского гренадерского полка.
Реконструкция. Фотография Н.О. Полякова.*

льонов 3-ротного состава, в свою очередь, именуемых 4-ми резервными батальонами соответствующих полков. Штатная численность депо резко возросла: в каждом батальоне теперь числилось до 500 рекрутов; в состав депо также входили 4 эскадрона.

Армия постоянно пополнялась и сыновьями находящихся на службе или уже уволенных солдат — военными кантонистами. Все дети мужского пола из солдатских семей с 7-летнего возраста забирались в учрежденные в царствование Императора Павла I военно-сиротские отделения при гарнизонах, где их учили строевой службе, грамоте, арифметике, «барабанщичьей науке» и игре на флейте. В 1812 г. в армии числилось около 39 тысяч кантонистов, на службу из них было определено свыше 4 тысяч. В выпущенном в 1810 г. «Положении о военных кантонистах, находящихся при гвардейских полках» [30] предлагалось несколько возможных «профессий» для подростков 11–18 лет. Прежде всего кантонисты должны были заменить ротных цирюльников и писарей. Ротные барабанщики и флейтчики также набирались из кантонистов не моложе 12 (флейтчики) и 14 (барабанщики) лет.

Лучшие ротные музыканты замещали освобождающиеся вакансии батальонных барабанщиков и полковых музыкантов; полкового барабанщика выбирали из батальонных. Кроме того, кантонисты определялись в качестве цирюльников в госпитали и отдавались в учение различным ремеслам (сроком на 5 лет). В 18 лет все кантонисты, не показавшие выдающихся способностей в своих профессиях, зачислялись в рядовые.

В марте 1811 г. были установлены новые правила комплектования нижними чинами гвардейских, гренадерских и кирасирских полков [27]. Все эти отборные части должны были пополняться по возможности уже проверенными на службе людьми, а не рекрутами, обучение которых требовало времени, а моральные качества довольно долго оставались неясными. Практика комплектования отборных частей подготовленными солдатами встречалась и раньше, но строгая система была установлена впервые. Для пополнения гвардейской пехоты все гренадерские, пехотные и егерские полки обязывались впредь ежегодно до 1 декабря направлять в столицу по 4 гренадера и по 2 стрелка, что в сумме давало 936 лучших солдат армии, «отличнейшим поведением, ловкостью и знанием своего дела». Каждый из гренадерских полков получал пополнение из «приписанных» к нему двух дивизий; из каждого полка высылалось по 6 гренадеров и 9 стрелков. Хуже всего приходилось полкам 19-й и 20-й дивизий: каждая из них комплектовала целый гренадерский полк (соответственно Херсонский и Грузинский); кроме того, чины указанных двух полков пополняли Лейб-гренадерский полк (в 1-й и 2-й дивизиях, комплектуемых лейб-гренадеров, было 11, а не 12 полков), а открывающиеся в них вакансии заполняли опять-таки из 19-й и 20-й дивизий. Таким образом, каждый гренадерский полк ежегодно высылал от себя по 6 лучших солдат; пехотный или егерский полк — по 21 солдату; полки 19-й и 20-й дивизий — по 36 солдат. Недостающее число людей в гренадерских полках разрешалось пополнять лучшими рекрутами. На комплектование Лейб-гренадерского полка были назначены 1-я и 2-я дивизии, Санкт-Петербургского гренадерского — 6-я и 21-я, Таврического —

3-я и 4-я, Екатеринославского — 17-я и 25-я, Павловского — 11-я и 23-я, гренадерского Графа Аракчеева — 5-я и 14-я, Киевского — 10-я и 26-я, Астраханского — 9-я и 22-я, Малороссийского — 7-я и 24-я, Сибирского — 15-я и 13-я, Фанагорийского — 12-я и 18-я, Московского — 8-я и 18-я, Грузинского — 20-я, Херсонского — 19-я. О качественном уровне рядового состава гренадерских полков можно судить, например, по воспоминанию Н.А. Андреева, видевшего 2-ю гренадерскую дивизию в начале кампании: дивизия «была отличная, старые солдаты-усахи, их можно сравнить с гвардией 1805–1807 годов; уже после я по сие время подобных полков не видал ни одной роты и в гвардии» [87, с. 181]. Во время войны эта стройная система естественным образом нарушилась, и отборные части комплектовались лучшими рекрутами. О действиях гвардейских новобранцев при штурме Полоцка 6 октября упоминал генерал-лейтенант граф П.Х. Витгенштейн в своем рапорте императору: «Резерв пехоты гвардии... отличился при сем деле особенною храбростью, и рекруты, составляющие большую часть сего корпуса, просясь сами быть употребленными, старались неустранимостью своею доказать, что они достойны счастья быть выбраны в защитники особы Вашего Императорского Величества».

6 июля 1812 г. правительство опубликовало манифест о сборе земского ополчения. В образованных трех округах очень быстро было собрано свыше 300 тысяч человек, часть из которых участвовала в боевых действиях вплоть до октября 1814 г. Немало ополченцев Московского ополчения в августе — октябре 1812 г. были причислены к армейским пехотным и егерским полкам, составляя при построениях третью шеренгу и выполняя различные хозяйственные функции.

Поступающие в полки новобранцы причислялись к капральствам, где старослужащие солдаты и унтер-офицеры помогали им постигать основы воинской службы и армейского быта. Русский унтер-офицерский корпус, получивший закалку в войнах конца XVIII — начала XIX века, представлял собой настоящую основу армии, причем очень качественную. Может быть, унтер-офицерам, как и всем нижним чинам, не всегда хватало инициативности,

но боевой опыт и воинские навыки у большинства младшего командного состава присутствовали в избытке. Почти 80% унтер-офицеров к 1812 г. имели выслугу свыше 8 лет, а каждый пятый начинал службу еще в славное екатерининское царствование. Три из пяти принимали участие в 6 и более (до 35–40) сражениях. Данные цифры были получены при анализе формулярных списков приблизительно 20% унтер-офицеров — участников Бородинского сражения, но, по всей видимости, они достаточно верно характеризуют качественные показатели унтер-офицерского состава армии в целом [155]. Пополнение командных кадров в целом шло по трем направлениям: унтер-офицером мог стать молодой дворянин, выпускник учебного гренадерского батальона или отличившийся солдат. О дворянской службе мы поговорим несколько позже, а солдат из податных сословий мог получить повышение после 4-летней службы, хотя и здесь бывали исключения. Правила производства были определены еще в уставах Павла I:

«Если выбудет унтер-офицер недворянин, то вместо него представляет капитан той роты Шефу или полковому Командиру трех солдат на выбор, а оный наполняет наперед из нижних в верхние унтер-офицерские чины уже сам собою...»

Не представлять в унтер-офицеры рядовых, которые бы четырех лет не выслужили и не хорошего поведения, не расторопных, а единственно только способных к письменным делам; ибо сие совсем побочное дело (действительно, грамотными были не более 40% унтер-офицеров. — *И.У.*)...

Если отличится солдат храбростью своею перед другими, предпочитать такого и жаловать в старшие унтер-офицеры...

Если бы в которой роте не было достойных в унтер-офицеры, то брать Шефу или полковому Командиру способных из других рот» [75, с. 194].

В 1812 г. в армии состояло 3 учебных гренадерских батальона, выпускающих ежегодно около 1000 подготовленных солдат; правда, часть из них обучалась владению музыкальными инструментами. В целом к началу войны количество специально подготовленных унтер-офицеров было незначительно.

И.Э. Ульянов в форме поручика Московского гренадерского полка. 1812. Реконструкция.

Офицерский корпус армии преимущественно комплектовался представителями потомственного дворянства. Дворяне, добровольно вступая в армию сразу в унтер-офицерском чине, должны были прослужить 3 года для получения первого офицерского звания, хотя в ряде случаев этот срок менялся.

Дворяне также могли пройти курс профессиональной подготовки в ряде военно-учебных заведений: к 1812 г. это были Пажеский корпус, 1-й и 2-й и Смоленский кадетские корпуса, Императорский Военно-Сиротский дом, Гапаньемский Топографический корпус. Дворянам с 16 лет и студентам университетов разрешено было вместо поступления на правах унтер-офицеров в полки проходить курс первоначального обучения в Дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе. В полку дворяне в течение краткого времени знакомились с «порядком службы», учились строевым приемам и стрельбе, получали ряд познаний об обязанностях офицера. Только за время войны 1812 г.

из Дворянского полка было произведено 17 выпусков, давших среди прочих 984 офицера армейской пехоты. По воспоминаниям Н.А. Андреева, в полку в первое время служили и старые, и малые, нередко отцы вместе с сыновьями. Учились все, кто не знал русской грамоты и первых четырех правил арифметики [87, с.178]. Общее количество офицеров русской армии, получивших специальное образование, даже при учете весьма слабо образованных выпускников Дворянского полка, не превышало 22–23% от общей численности офицерского корпуса.

Свыше 13% офицеров имели недворянское происхождение. Солдатские дети могли быть произведены в офицерский чин после 8 лет выслуги в унтер-офицерских чинах, а вольноопределяющиеся — после 4 лет; и те и другие после 15 лет службы унтер-офицерами имели право выйти в отставку с получением первого офицерского чина. Военнослужащие из духовного сословия могли претендовать на офицерский чин после 8 лет выслуги унтер-офицером. Рядом преимуществ при производстве в офицеры пользовались военные поселенцы и однодворцы. Для подавляющего большинства недворян условием получения первого офицерского чина была 12-летняя выслуга в унтер-офицерских званиях. И все-таки необходимо учитывать, что все вышеприведенные строгие сроки в реальных условиях зачастую не выдерживались.

Так, в приказе по армии от 1 сентября 1812 г. оговаривался комплекс мер, направленных на пополнение сильно пострадавшего офицерского корпуса: «Лейб-гвардии в пехотной дивизии выбрать к производству по два унтер-офицера, выслуживших сроки, и по пяти подпрапорщиков, отличившихся неустрашимостью, которых его светлость произведет в офицеры в армейские полки; рядовым даны будут знаки военного ордена.

Полки обеих армий и артиллерии выберут к производству достойных портупей-прапорщиков, подпрапорщиков и самих унтер-офицеров, рядовым даны будут знаки военного ордена, сколько их найдено отличнейших...» [44, с. 456, 457].

Дальнейшее чинопроизводство обер-офицеров зависело от открывающихся в полку

вакансий. Шеф или командир полка выдвигали кандидатуру офицера на повышение в чине и после обсуждения со штаб-офицерами утверждали ее, причем зачастую служебные достоинства или человеческие симпатии перевешивали соображения старшинства, и на повышение шли более молодые офицеры. Еще более субъективным было повышение «за отличие», которое в реальных условиях вызывало немало недовольства. Штаб-офицеры производились на вакансии, открывающиеся во всей армии.

Широко варьировался возраст офицеров. В армию нередко принимали 15-летних, а в отдельных случаях — и более молодых недорослей. В сражении при Салтановке рядом с командиром 7-го корпуса Н.Н. Раевским сражались его сыновья — прапорщик 5-го егерского полка 17-летний Александр и прапорщик Орловского пехотного полка 11-летний Николай. Раевский-старший в письме жене с гордостью писал: «Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутил. Его штанишки прострелены пулей» [135, с. 215]. В целом же «средний возраст прапорщиков... равнялся 24 годам, подпоручиков и поручиков — 25 годам, штабс-капитанов... — 28, капитанов... — 30, майоров — 34, подполков-

ников — 37, полковников — 38 годам» [156, с. 139]. Таким образом, русские офицеры были на 5–7 лет моложе офицеров соответствующих чинов наполеоновской армии.

Для большинства офицеров единственным источником существования служило жалование, весьма небольшое. Так, по штатам павловского времени, армейский и гвардейский прапорщики получали соответственно 200 и 172,20 рублей в год, подпоручики — 200 и 191,90, поручики — 240 и 249,30, штабс-капитаны — 340 и 445,50, капитаны — 340 и 558,60, майоры — 460, подполковники — 600, все полковники — по 900 рублей. В первые годы XIX века цифры изменились незначительно. Лишь немногие офицеры получали доходы от поместий и только один из десяти имел семью.

Краткая, но достаточно точная характеристика офицерской доли прозвучала в словах М.М. Петрова: «Я дворянин, обязанный оправдать это обетное звание. Мне 22 года от роду, мое достояние — острая шпага, мои прелестные сокровища — военная честь и боевая слава, мой жребий — тяжелые труды и смертельные язвы, мой брачный гимн — победные крики торжества героев Отечества моего» [126, с. 124].

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Приступая к описанию столь очевидного, на первый взгляд, вопроса, автор избрал в качестве основы для главы труд выдающегося русского военного историка Г.С. Габаева «Роспись Русским полкам 1812 года» [60], изданный в г. Киеве к столетней годовщине войны, дополнив его вновь выявленными материалами. Автор позволил себе не помещать в кавычки текст Габаева, так как практически каждое предложение этого текста подверглось исправлению или дополнению.

Всей полевой пехоте был присвоен металлический прибор желтого цвета; в Гвардии использовалась красная медь, в Армии — латунь.

Кафтан (мундир) был темно-зеленого грубого сукна, двубортный, длиной до талии, имевший сзади фалды. Левый борт заходил на правый и застегивался на 6 слегка выпуклых пуговиц. На левый борт симметрично нашивалось

6 таких же пуговиц. Рукава заканчивались обшлагами в $1\frac{3}{4}$ вершка ширины; на обшлаг перпендикулярно нашивался клапан шириной в 1 и длиной в $3\frac{1}{2}$ вершка с 3 пуговицами. Пятиугольные погоны на обоих плечах были шириной у плеча в 1 вершок и у воротника в $\frac{3}{4}$ вершка; погоны пришивались (или вшивались в шов) у плеча и пристегивались на пуговицу у воротника. Левая фалда несколько заходила на правую. Фалды имели отвороты, суживавшиеся на передних концах и у талии и расширявшиеся сзади настолько, что их уголки сходились между собой; в этом месте нашивалась пуговица. Две пуговицы нашивались также сзади на лифе. В большинстве полков продолжали носить кафтаны с высокими скошенными воротниками, но к середине 1812 г. гвардейцы, а возможно, и часть армейских полков, перешли воротники на новые, низкие: высота такого

Обер-офицер и гренадер лейб-гвардии Преображенского полка. И. Каппи. 1815 г.

Егерь и унтер-офицер егерского полка. Л.И. Киль. 1815 г.

воротника составляла от $1\frac{3}{4}$ до 2 вершков, застегивался воротник на 3 крючка. Длина фалд кафтана — 9 вершков, ширина нижнего среза — $2\frac{3}{4}$ вершка.

Для нового гвардейского — лейб-гвардии Литовского — полка в марте 1812 г. были построены кафтаны с красными воротниками и лацканами [5, л. 195]. Кафтаны с темно-зелеными (с красной выпушкой) лацканами носились также в лейб-гвардии Финляндском полку. Каждый лацкан пристегивался на 7 пуговиц (7-я нашивалась ближе к погону у верхнего края лацкана). Лацканные кафтаны застегивались на середине груди крючками.

Цвет воротника, погон, клапанов и обкладки фалд был по полкам и по роду оружия, а именно: воротник, обшлага и обкладка фалд в полках тяжелой пехоты были красные, а в егерских — темно-зеленые с красной выпушкой по свободному краю (на обшлаге, кроме того, выпушка загибалась вниз в месте соприкосновения с клапаном, ближним к внутреннему шву

рукава). Рукавные клапаны у полков тяжелой пехоты были темно-зеленые без выпушки, а у егерей — темно-зеленые с выпушкой по 3-м краям (кроме края, обращенного к внутреннему шву рукава). Полки лейб-гвардии имели воротники следующих цветов: Преображенский и Литовский — красные, Семеновский — светло-синие с красной выпушкой, Измайловский и Финляндский — темно-зеленые с красной выпушкой, Егерский — темно-зеленые с оранжевой выпушкой. Для гвардейских полков в 1812 г. были разработаны новые образцы полковых басонов (преображенский басон также назывался гвардейским): на желтом поле по краям проходили красные полосы, а в центре — просвет полкового цвета (красный в Преображенском, Литовском и Егерском полках, светло-синий в Семеновском, темно-зеленый в Измайловском и Финляндском), обрамленный оранжевой каймой. На воротниках с каждой стороны от застежки нашивалось по 2 петлицы полкового басона, на клапанах — по 3 петлицы

*Рядовой 3-й гренадерской роты лейб-гвардии Семеновского полка.
Стрелок 1-й гренадерской роты первого по старшинству егерского полка дивизии.*

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ОРГАНИЗАЦИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ	7
ОБУЧЕНИЕ	50
ПЕХОТА В ПОХОДАХ	75
ОСОБЕННОСТИ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ	105
ПЕХОТА В БОЯХ	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	209